

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2005.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
3. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1996.
4. Франкл В. Э. Воля к смыслу. М., 2014.

С. А. Воронина (Барнаул)

**ЭВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИЕВ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ**

Изучение критериев элиты является одной из приоритетных задач современного социального знания. Связано это с историческими, политическими и социальными трансформациями в обществе, во многом определяющимися составом и спецификой его элиты на определенном историческом промежутке.

Этимологически термин «элита» произошел от латинских слов *eligere, legere* — «отбирать; выбирать; разбирать; сортировать» и вошел в употребление во Франции, начиная с XII в. как *élite* — «отбор лучших», «избранный» [1, с. 65]. Понятие «элита» изначально имело концептуальное сходство со словами «интеллект» и «элегантность» (что означало «со вкусом; утонченность; изысканность манер») [2, с. 329]. Таким образом, у этого понятия было духовное, нравственное значение. Представления об элитах не связывались с социальными изменениями, элиты рассматривались как «образцы», на которые должны были ориентироваться другие члены общества, благодаря чему поддерживался социальный порядок. В этом смысле существование элиты не было связано с активной деятельностью по изменению сложившихся структур, с ускорением или замедлением происходящих социальных процессов. Социальные процессы рассматривались независимо от человеческой деятельности и трактовались как результат божественного предопределения.

Дальнейшие представления об избранности развивались в контексте выдвижения на передний план великих личностей, которые обладали особыми качествами, позволявшими им служить движущей силой общественных изменений. Наиболее последовательно этот подход разворачивается в концепции «героизма» Т. Карлейля. В центр внимания попадают исключительные личности — пророки, полководцы, монархи и т. д. Великие люди — «это лидеры, создате-

---

ли новых парадигм, моделей и в широком смысле слова творцы. Все, что реализовано в человеческом мире, есть воплощение мыслей Великих людей; душа всей мировой истории справедливо может рассматриваться как история Великих людей» [2, с. 326].

Исключительные личности, по Т. Карлейлю, интуитивно видят божественную идею и проникают в суть всеобщих процессов. В контекст этих рассуждений, в рамках которых существование элиты обосновывается божественным предопределением, органично вписываются представления М. Вебера о харизме и харизматическом господстве. Критерием избранности М. Вебер считал персональную харизму. Под «харизмой» он понимал «внеповседневные качества человека (независимо от того, действительные они, мнимые или предположительные)» [3, с. 68]. Харизматический тип господства М. Вебер противопоставляет традиционному и рациональному как необыденное, иррациональное. Подчеркивая социальность феномена харизмы, М. Вебер рассматривал харизматического лидера как социальную репрезентацию, показывая, что значимы не объективные личные качества харизматика, а мнение о нем его приверженцев, которые воспринимает харизму как божественный дар.

Изменение общественных условий влечет за собой выдвигание на передний план иных критериев превосходства, в которых проявляет себя усиливающаяся тенденция к рационализации. Анализируя социальные проблемы своего времени, Х. Ортега-и-Гассет указывал на то, что активизация усредненного человека толпы, или «восстание масс», является отличительной особенностью современного общества. Мыслитель подчеркивал, что в массовом обществе элиту отличает особое благородство, признаком которого являются не права, а обязанности, чувство ответственности. В новой трактовке элиты становятся не просто обладателями каких-то особых качеств, а носителями определенных обязанностей в обществе, выполняющими функции творцов [4, с. 35]. Элиты, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, создают и обновляют культуру, преобразуя вместе с ней и существующие социальные отношения. В работе «Восстание масс» он отмечал, что условиями нормального функционирования общества являются общество, управляемое элитами, и масса, знающая свое место. Человек элиты всегда чувствует внутреннюю потребность обращаться вверх, к авторитету или принципу, которому он служит. Отличительная черта благородства — не права, а обязанности, требования к самому себе. Люди элиты наделены высоким чувством ответственности в отличие от человека массы, который не хочет считаться ни с какой внешней инстанцией или авторитетом.

Девальвация сакрального смысла (рационализация) понятия обнаруживается в изменении представлений о критериях элитарности. Элитой стали называть лиц, обладающих высокой интенсивностью социальных и психологических качеств. Данные качества не выделяют этих лиц, не противопоставляют их обществу и не являются достоянием немногих избранных, а могут проявляться у всех представителей общества с разной интенсивностью. Для примера, позволяющего осознать универсальность феномена элиты, уместно рассмотреть ставшее привычным понятие, где элита связывается даже с криминальными и бандитскими группировками («воровская элита») [5, с. 239].

Вступление общества в индустриальную эпоху породило первые систематизированные теории элит. В элитарных концепциях акцент переместился на рассмотрение не просто отдельных выдающихся личностей, но и на всю «верхушку» общества (класс), осуществляющую управление. Социологизация критериев элиты предполагает включение элитной проблематики в рамки теории социальной стратификации, в которой элита понимается как высший слой, осуществляющий управление в любой социальной системе.

Начиная с классических теорий Г. Моска, Р. Михельса, Ч. Р. Миллса, процесс социологизации критериев элиты проявился в описании ее как «властвующей» группы или «правлящего класса». Неизменность власти меньшинства над большинством Г. Моска [6] объясняет не естественностью божественного порядка, а рядом причин, и прежде всего его организованностью, являющейся огромным преимуществом для власти элиты. Основные положения концепции Г. Моска были развиты применительно к американскому обществу его идейным последователем Ч. Р. Миллсом. Являясь сторонником позиционного подхода, Ч. Р. Миллс определяет элиту как людей, чьи позиции в трех важнейших институтах (государство, крупные экономические корпорации, армия) позволяют им подняться над окружающими и принимать решения со значимыми последствиями. Эти три элитные группы в структуре общества сплавиваются в единую группу на основе общих интересов и взаимозависимой деятельности. Излагая концепцию «властвующей элиты», Ч. Р. Миллс [7, с. 68] обратил внимание на существование множества элит в обществе и множества уровней элитной иерархии. Членов элиты объединяют между собой не только общие интересы, но и общие этапы социализации, которая предполагает сходное воспитание, социальное происхождение, карьеру, стиль жизни, социальные контакты, общие ценности.

Сформулированные Г. Моска и Ч. Р. Миллсом теории положили начало процессу «субъективации» понятия, в котором элита стала рассматриваться в связи с ее функцией в обществе, т. е. как субъект, оказывающий наибольшее влияние на другие слои, социальные институты и процессы. В этой связи исследователи элит указывают на следующие факторы, повлиявшие на изменение конфигураций и состава элит: «С развитием общества общие ценности, образовывавшие основы социального порядка, уступили место множественности отнесенных ценностей. Релятивизация ценностных показателей вызывает повышенную социальную мобильность. Социальные изменения, и прежде всего тенденция к демократизации, ведут к увеличению числа элитных групп, внутренний состав которых меняется в результате повышенной мобильности» [7, с. 239]. Неслучайно особую роль в современном сложноорганизованном обществе начинают играть руководители среднего звена, сторонники лидеров, а также «околоэлитное окружение», по терминологии российского политолога Е. В. Охотского [8, с. 45].

Несомненно, что и в традиционном обществе существовали лица, входившие в окружение властвующей персоны и называемые «серыми кардиналами», однако тенденции развития современных обществ приводят к интенсивным вертикальным перемещениям отдельных персон и групп и, как следствие, отсутствию одного доминирующего субъекта. Вследствие осмысления новой реальности, в которой появляются новые сферы деятельности, процессы характеризуются динамизмом и изменчивостью, структуры — открытостью, а субъекты становятся свободны и политически активны, в современных теориях исчезает идея единства элиты, ее заменяет представление об элитном плюрализме, породившем возможности для существования множества элит, выражающих интересы различных социальных групп. В плюралистических концепциях исчезает сама идея противопоставления элиты недифференцированной инертной «массе», другими словами, «большинство» современного общества составляют так называемые «внеэлитные группы», или «не-элиты», не столь жестко «отличные» по интересам, ценностям от элит.

Элиты находятся в постоянной конкуренции друг с другом, что заставляет их постоянно реагировать на нужды внеэлитных групп. Вследствие этого обстоятельства интересы элиты не противостоят интересам внеэлитных социальных групп, однако особенности осмысления ситуации и артикуляция общественных интересов, которые далее превращаются в политические цели, зависят частично и от собственных интересов элит. Тем самым в функциональной теории преодо-

левается «оценочный» момент, связанный с доминированием «лучших», и представительская функция элит объясняется отношениями взаимозависимости между элитой и внеэлитными слоями и системой взаимных противовесов внутри элиты, что позволяет ей реализовывать интересы многих субъектов. Таким образом, происходит переосмысление традиционных критериев элиты, таких как устойчивая социальная позиция в структуре общества, организованность и сплоченность элитной группы. Вследствие этого классические критерии должны быть дополнены «субъективированными».

Так, например, В. Мюлман [9, S. 25–26] предлагает рассматривать элиту как социальную общность, которая выделяется не только по объективному положению в обществе, но и основывается на собственном избрании. Однако, признавая критерий самопричисления к элите одним из возможных, не все элитологи считают его достаточно «субъектным» и репрезентативным для выявления элиты. Так, например, по мнению Г. Эндрувайта, этот критерий может иметь значение в случае возникновения сомнений элиты в значимости собственных достижений и успехов. Такая ситуация возможна в связи с социальными изменениями, когда самооценка выступает в качестве новой основы самоутверждения старой элиты, которая хочет хотя бы в сознании продолжить свою уже изменившуюся элитную роль [10]. Признавая сосуществование многочисленных, несвязанных между собой, а зачастую в некоторых моментах противоречащих друг другу представлений об элитах, Г. Эндрувайт предпринимает попытку изложить «единую» теорию элиты, интегрирующую концептуальные положения отдельных теорий в контексте «постклассического» видения.

Отмечаемое многими современными исследователями отсутствие единой методологической базы в рассмотрении элит, другими словами, отсутствие «общей» теории элиты Г. Эндрувайт преодолевает, рассматривая элиты в тесной связи с проблемой развития. Определяя «развитие» как «социальный процесс, происходящий через некоторые изменения элементов социальной структуры, при котором реальные изменения рассматриваются в отношении к объективным возможностям» [10, S. 12], Г. Эндрувайт отличает эту дефиницию «развития» от других, потому что в данном случае не указываются тенденции развития. Это означает, что вектор общественных изменений, определяемый элитами, изначально не задан для всех обществ, однако конструируется путем взаимодействия различных субъектов внутри конкретной элиты. Элита рассматривается Г. Эндрувайтом как социальный субъект. Критерии, по которым решается принадлежность к элите, подвержены социально-историческим из-

менениям и зависят от конкретного общества. Так, например, признаком «элитности» в доиндустриальных обществах являлись стратификационно-генетические показатели (социальное происхождение), в странах, переживающих процессы «запаздывающей» модернизации, определяющим становится соответствие западным стандартам, таким как западное образование, стиль жизни, ценности антитрадиционной направленности. В США таким признаком является профессионализм и компетентность.

Такое разнообразие критериев позволяет сделать вывод о том, что в более ранних концепциях господствовало историческое, а не социологическое определение элиты. Осознание данного обстоятельства и как следствие необходимость сформулировать внеисторическое определение элиты акцентирует особое внимание на функциональной теории элиты. Согласно данной концепции, под элитой понимается «социальный субъект, члены которого решают и влияют на характеристики социальных процессов, в результате этого превосходят других членов социальной системы» [10, S. 31]. Понятие функциональной элиты отличается от функционалистского понятия элиты, которое рассматривается с точки зрения ее вклада в сохранение социальной системы. Решающий признак функциональной элиты: распределение влияния на стратегические решения в организации, обществе. Приведенная дефиниция базируется на определении власти М. Вебера, которое используется даже в эмпирических исследованиях. Осуществление власти происходит при помощи социальных действий в отношении объектов, на которые она направлена, что влечет за собой их изменение и модификацию. В данном подходе социальная деятельность элиты рассматривается по отношению к внеэлитным группам. Несомненно, что в данном смысле функциональная элита может включать людей, которые оказывают влияние, но официально не занимают высоких должностей.

Таким образом, включение функционального понятия в рамки социального процесса делает возможным динамическое рассмотрение элиты, что главным образом означает изменение элит от одного процесса к другому и находит свое воплощение в феномене циркуляции элит, происходящей на фоне повышенной вертикальной мобильности в современных обществах. Следовательно, можно сделать вывод о том, что современная функциональная теория определяет элиту как лиц, оказывающих стратегическое влияние на социальные процессы. Элита формируется адекватно изменяющимся социальным условиям, а это означает, что критерии элитарности подвижны во времени и пространстве.

Библиографический список

1. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
3. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. М., 2001.
5. Ашин Г. К., Лозанский Э. Д., Кравченко С. А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001.
6. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10, 12.
7. Миллс Ч. Р. Властвующая элита // Иностранная литература, 1959.
8. Охотский Е. В. Политическая элита : метод. пособие к спецкурсу. М., 2003.
9. Mannheim K. Elite // Duden «Sinn-und sachverwandte Worter»: Wörterbuch d. treffenden Ausdrücke / hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. neu bearb., erw. u. aktualisierte Aufl. Wien; Zurich: Bibliographisches Institut, 1986. (Der Duden; Bd. 8).
10. Endruweit G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt-am-Main; Bern; New-York: Lang, 1996 (Europaische Hochschulschriften: Reihe 22, Soziologie; Bd. 118).

Е. Е. Горшунова (Барнаул)

ХАРАКИРИ (СЭППУКУ) И ФЕНОМЕН «ИСПАРЯЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ» В ЯПОНИИ КАК ОДНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ УХОДА В КОНФЛИКТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Научный руководитель — В. А. Артюхина

Жизнь любого человека невозможно представить без конфликтов. Каждый из нас ежедневно сталкивается с разногласиями, недопониманием, вольно или невольно становясь одним из участников противоречия. И, как правило, все мы привыкли выделять в конфликтах преимущественно негативный характер, отрицательно влияющий на наши социальные взаимоотношения. Ввиду этого люди стараются